

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

О НАУЧНОЙ ШКОЛЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ИНОЙ ВЗГЛЯД

А н н о т а ц и я . Автор осуществляет деконструкцию конституирования научной школы источниковедения в текстах М. Ф. Румянцевой, показывая, как интерналистский подход к рассмотрению научного познания определяет этот процесс. Применение типологий, обобщающих «существенные» характеристики изменения научной рациональности, позволяет ей поместить школу в мейнстрим развития исторической эпистемологии за последнее столетие. При этом применяемый ею классификационный метод не добавляет нового знания о феномене научной школы, а только приводит к его переименованию с использованием имени класса, к которому относится этот феномен. Соответственно, неизменным оказывается основополагающий элемент школы, так как объект источниковедения является открытым уже в исходной точке. Игнорирование экстерналистского подхода позволяет М. Ф. Румянцевой обойти такие неудобные для нее, но важные проблемы, как специфика гуманитарного, включая историческое, знания; прагматическая обусловленность деятельности исследователя; изменение роли теории в исследовательской деятельности; значение внеисточниковое знание в изучении прошлого; историзация не только деятелей прошлого, но и познающего его субъекта. Учет их позволил бы избежать абсолютизации истинности основополагающего представления научной школы об объекте источниковедения, которое требует конкретизации, а следовательно, и релятивизации.

Ключевые слова: интернализм и экстернализм в науковедении, постмодернизм, источниковедение, историография, А. С. Лаппо-Данилевский, О. М. Медушевская

Д л я ц и т и р о в а н и я : Антощенко А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871

ВВЕДЕНИЕ

Научные школы создают учителя, а исторически их конструируют ученики. Это положение наглядно подтверждается рядом публикаций М. Ф. Румянцевой, одной из последних в ряду которых является ее статья о О. М. Медушевской, опубликованная на страницах научного журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» [23]¹. Используя их в качестве историографических источников, я намереваюсь провести деконструкцию, нацеленную на выявление применяемых М. Ф. Румянцевой принципов конституирования школы, оценку значения предлагаемого объекта источниковедения применительно к предметному полю историографии и критический разбор недостатков таких построений.

ИНТЕРНАЛИЗМ VS ЭКСТЕРНАЛИЗМ

Судя по характеру аргументации, М. Ф. Румянцева следует в русле интерналистского подхо-

да к рассмотрению развития научного познания, к которому она относит и исторические исследования. Поэтому главное внимание она сосредотачивает на формировании и развитии идейных оснований школы, выразившихся в определении и разработке объекта изучения, приводящих в перспективе изменения научной рациональности к утверждению об исключительности источниковедения в деле преодоления «кризиса постмодернизма»² при переходе от неклассического и постнеклассического типов научной рациональности к неоклассическому ее типу. Такая типологическая интерпретация, основанная на обобщенном рассмотрении тенденций развития научного познания, позволяет ей вписать школу-направление (объединение этих понятий представляется несколько странным, если учитывать игнорируемый М. Ф. Румянцевой экстерналистский подход к схолярным штудиям³, в которых школа рассматривается также и как социальный институт) в его мейнстрим.

Контекстом при интерпретации типичных тенденций изменения научного исторического познания признаются положения, разработанные применительно к научному познанию в целом В. С. Стёпиным [26] и конкретизированные применительно к исторической науке А. В. Лубским [12], [13]. Правда, М. Ф. Румянцева несколько модифицирует их, указывая как на реперную точку формирования неклассического рационализма, на возникновение феноменологии, что вносит диссонанс в стройную последовательность построений ее предшественников⁴. Необоснованным сразу же становится отнесение постнеклассического рационализма к концу XX века⁵. К этому недостатку следует добавить сознательное игнорирование проблемы своеобразия исторического (и гуманитарного в целом) познания, заостренной неокантианцами, которая, возможно, «снимается» (в гегельянском смысле) «русским неокантианством»⁶. Главное же – вне поля зрения М. Ф. Румянцевой, впрочем, как и А. В. Лубского, остается проблема значения теоретического знания в объяснении исторических событий и процессов, также заостренная неокантианцами и приобретающая новое решение в методологии «идеальных типов» в «понимающей социологии» М. Вебера [20]. Теоретические обобщения, превратившись из итога исследовательской деятельности в ее предпосылку, изменили и характер познавательного процесса, нацеленного теперь не на верификацию теории, а на ее фальсификацию (не в обыденном, а в философском (эпистемологическом) смысле, как способа установления границ действительности теоретических положений той или иной концепции, если говорить об истории, а в перспективе – к прояснению социокультурных, а следовательно, исторических предпосылок познания, что требует также экстерналистского подхода к его изучению)⁷.

Другим способом включения школы-направления в «мировой поток» исторической познавательной деятельности можно назвать дополнение указанной выше типологии еще одной, характеризующейся как «смена словарей исторической науки» [22: 44], предложенной одним из ведущих современных эпистемологов исторического познания, голландским философом Ф. Р. Анкерсмитом. Этот способ также можно интерпретировать как служащий той же цели повышения статуса этой школы-направления путем помещения ее в мейнстрим. При этом М. Ф. Румянцева не учитывает в полной мере смещение акцента в исследованиях Ф. Р. Анкерсмита с формальной стороны исторического познания, выражающейся в использовании метафоры как главного средства понимания / объяснения прошлого [4] и ее

«падения» в этом качестве [3], на эмоционально-содержательную – «возвышенный исторический опыт» [2], позволяющий отойти от эстетических принципов оценки исторических нарративов и уловить их качественные характеристики, связанные с эмоциональной эффективностью, а не полнотой исторического познания.

Возвращаясь к мысли о преимущественно интерналистском рассмотрении формирования и оценки роли школы-направления, замечу, что такой подход отодвигает на второй план, а нередко ведет к игнорированию экстернализма. Применительно к источниковедению это выражается в игнорировании роли «внеисточникового знания» [5], которую «подбросил» советским коллегам их польский собрат Е. Топольский [27], более свободный в своем отношении к забытым основаниям марксизма-ленинизма, впрочем, как и эстонские философы (Э. Н. Лооне, А. А. Порк), уже с 1970-х годов параллельно с Тартуско-московской семиотической школой начинавшие свои эпистемологические изыскания, демонстрировавшие хорошее знание «западных», «буржуазных» теоретических работ, которые они вынуждены были, хотя и неохотно, судя по стилистике их публикаций, разоблачать. Данное указание свидетельствует, что не только, и даже не столько же, московские источниковеды были «внутренними эмигрантами», расшатывавшими догматический марксизм в области эпистемологии исторического знания⁸.

По справедливому замечанию М. П. Лаптевой:

«Внеисточниковое знание не содержится непосредственно в исторических источниках, это призма, через которую историк смотрит на исторические источники и информацию, в них заключенную. Внеисточниковое знание направляет мышление историков при интерпретации источников. Оно предполагает умение ставить новые вопросы. Это умение зависит от методологической подготовки историка, оно позволяет открывать в прошлом новые, неизвестные ранее ракурсы и пласты» [9: 14].

Отсутствие рефлексии о роли этого типа исторического знания может привести к принятию за данность «системы источников», формировавшейся в прошлом, хотя система эта складывалась для удовлетворения совершенно отличных от исследовательских целей историка потребностей. Указание на имманентный характер этой системы не снимает проблемы расхождения целей исследователя и людей прошлого: следует просто признать, что система эта вносится в прошлое исследователем, а утверждение имманентности – дань эссенциализму.

Порождает сомнение в эффективности и возвращение к эмпиризму исторического познания посредством изучения исключительно источни-

ков, предполагаемому таким «универсальным понятием», как «эмпирическая реальность исторического мира». Замечу в этой связи, что мне не встречалось в статьях М. Ф. Румянцевой упоминание о прагматической концепции исторической истины, предполагающей учет условий исследовательской деятельности и корректировки задач исследования в соответствии с ними (и их изменением).

О ПРИЧИНАХ ДРОБЛЕНИЯ ИСТОРИИ И СТРОГОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Одна из существенных озабоченностей М. Ф. Румянцевой – дробление истории, ставшее результатом утраты доверия к «гранд-нарративам» и ведущее, как она утверждает, к «войнам нарративов». В развитие этих положений, во-первых, замечу, что мне ближе постмодернистские установки на перенесение противоборства людей из фактической реальности в область дискурсивных практик, которое (противоборство) к тому же снимается тропом «ирония», ставящим под сомнение кажущееся превосходство одних над другими в этой, условно говоря, «борьбе» (споре, дискуссии). Во-вторых, мне известно о философском понятии «комплементарность», которое допускает различное видение одних и тех же феноменов и возможность дискуссионного обсуждения различий точек зрения, приводящего как к разностороннему восприятию этих феноменов, так и корректировке собственной позиции, порой не совсем выгодной для их лучшего рассмотрения, на что могут указать оппоненты.

Кстати говоря, на мой взгляд, источниковедение вносит свой вклад в отмеченное дробление. Признание того, что исторический метод, опирающийся на определенные теоретические представления (иначе говоря – «внеисточниковое знание»), должен также учитывать видовую специфику источников, может привести к отмеченному выше осложнению. Происходит это тогда, когда источниковедческие методики, разрабатываемые с учетом видовой специфики источников, начинают претендовать на возведение в ранг метода (например, «визуальный поворот» и «материальный поворот»). Сформулирую это метафорически (по-постмодернистски): в соответствии с «инструментарием» и «методом возделывания», учитывающим специфику «источника-почвы», оформляется «деланка» на «предметном поле» истории, что и приводит к дроблению или фрагментации, поскольку другие «земли» с иным «баналитетом» и, соответственно, «инструментарием» и «способами обработки» возделываются по-другому. В результате получается,

что во избежание дробления следует отказаться либо от деления источников на виды, либо от признания необходимости считаться с источниками при формировании исследовательского метода.

Исходя из «воинственной» терминологии дискурса М. Ф. Румянцевой, мне вполне понятны ее экспансионистские устремления, как представительницы научной школы источниковедения, на поле историографии путем предложения и предварительной разработки понятия «источниковедение историографии». Н. Н. Алеврас уже указала на некоторые недочеты такого стремления и возможность своеобразного «отпора» в виде «историографии источниковедения» [1]. Прежде чем развить ее положения в позитивном, но критическом ключе, я хотел бы остановиться на предложенной М. Ф. Румянцевой классификации историографических источников. Воспользовавшись ее «феноменологическим принципом» с опорой на целеполагание применительно к написанному ею в соавторстве с Р. Б. Казаковым разделу⁹, я бы определил результат их усилий как классификацию для классификации, так как в ней нет иерархии значения определенных видов источников для исследовательских целей. Получается, что все «рядоположенные» источники одинаково значимы для решения *любой* исследовательской задачи в историографической работе. Вряд ли с таким результатом (очевидно, достигнутым с учетом их целеполагания) согласились бы и те, кто таким образом «рядоположен» (феноменологически?): все же, скажем, С. М. Соловьев создавал свою двадцатитомную «Историю России», стремясь превзойти «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина не только количеством томов, очевидно, игнорируя подобную попытку Н. А. Полевого, сумевшего выпустить лишь три тома из задуманных двенадцати и подготовленных шести «Истории русского народа» (ср.: [28: 91]).

Предложенная и исправленная видовая классификация историографических источников может быть хороша для пропедевтических курсов наподобие Введения в историю или Основ методики исследовательской деятельности, но у специалистов-историографов она вызовет, мне кажется, много вопросов как относительно когерентности, так и значения таким образом классифицированных источников. Сразу же бросается в глаза некорректность отнесения к видовым родового понятия «научное исследование», видом которого будет и монография, и статья, и т. д. Предлагаемое понятие «научного исследования» интерпретировано произвольно: думаю, что многие не согласятся назвать «научным» исследование, в котором, как допускает М. Ф. Ру-

мянцева, нет системности представления результатов изучения материалов.

Далее позволю себе постмодернистскую иронию, предлагая иные, не соответствующие предполагаемым авторами учебного пособия целеполагания (порой латентные, а потому, скорее, интенции, которые нужно выявить), выразившиеся в видах историографических источников: диссертация и автореферат – исторически формирующиеся виды произведений в рамках складывания научного сообщества для утверждения нормативности требований к качеству исследования и формализации иерархии научных степеней, открывающей возможности совершения научной карьеры, что предполагает рассмотрение науки как социального института, то есть экстерналистский подход, в очередной раз проигнорированный М. Ф. Румянцевой¹⁰. Научная статья – произведение, помещаемое в журнал из наукометрической базы (одно время особенно важными были Web of Science / Scopus) для повышения собственного индекса Хирша и, хотелось бы, но не всегда получается, прибавки к жалованию; а с другой стороны – выражение готовности принять правила поведения, навязываемые чиновниками Министерства науки и высшего образования (все же в дискуссиях о наукометрии по-прежнему высказывается мнение, что форма представления результатов исследования для гуманитариев – книга, а не статья). Рецензия и отзыв – средство прояснения имплицитно присутствующих в сообществе ученых квалификационных норм научной деятельности. Доклад и тезисы конференции – реализация желания заявить *Urbi et orbi* о сделанных открытиях и достижениях (возможно, мнимых), которое с годами вполне может улетучиться в результате понимания, что конференции – это нередко «тусовки», проводимые для «своих» или для галочки в отчетности, а сборники тезисов конференций еще хуже «братских могил» сборников статей. И т. д. и т. п.

В данном случае я бы согласился с Л. Н. Пушкарёвым, предлагавшим строить классификацию историографических источников инструментально, то есть исходя из определяемых историографом целей исследования [17: 102].

Позитивным моментом в типологизации историографических источников является обращение к социальным функциям исторического знания. Правда, ограничивается внимание к ним только сферой социально ориентированного историописания нарративов, что вполне объяснимо исто-

риографически. Противоположность научных исследований и исторических повествований доказывалась в монографии М. Ф. Румянцевой и С. И. Маловичко [15], основанной на материалах, относящихся к периоду конституирования научности исторического познания, когда претендующие на неуклонное следование вырабатываемым строгим канонам научности исследователи проводили демаркационную линию между собой и теми, кого они стремились устранить из круга формирующегося и постепенно институализирующегося сообщества историков-профессионалов. Однако это не означает, что такое противопоставление можно и нужно возвести в ранг вневременности. К тому же существует традиция не противопоставления, а, напротив, объединения их воедино. Наиболее полно она представлена П. Рикёром, который выделил три диалектически взаимосвязанных «фазы», «стадии» или «уровня» историографического процесса: документальное доказательство – объяснение / понимание – репрезентация в форме повествования [19: 203–398]¹¹. Противопоставление и разрыв фаз «документирования» и «репрезентирования» ведут к нарушению когерентности, за которую все же ратует М. Ф. Румянцева. Так как для «ученых историков», с ее точки зрения, неприемлемы социально ориентированные нарративы, получается, с одной стороны, что исследователи исключаются из социума, а с другой – результаты их деятельности не имеют социального значения. В данном случае мне ближе П. Рикёр, признававший возможность для историка быть еще и гражданином.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории (как в ушедшем прошлом, так и в воспроизведении его в форме нарратива) возможны разные точки зрения на тот или иной возникающий и изменяющийся во времени феномен. Мы можем участвовать в его формировании и изменении (и сохранении) и как деятели в прошлом, и как исследователи в настоящем. Но и в том, и в другом случае нужно четко осознавать меняющуюся во времени обусловленность нашей деятельности и изменение этих условий под нашим влиянием, то есть понимать, что истина всегда конкретна и исторична. А это требует от нас при изучении научного познания следовать не только интерналистским, но и экстерналистским принципам его изучения, а значит, не нужно стремиться абсолютизировать истину ни под каким именем, даже если имя это очень дорого вам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. с ее более ранними публикациями: [21], [22], [24], [25].

² Очевидно, что о «кризисе постмодернизма» пишут те, кто с испугом относится к разоблачительной критике его протагонистов. Раскрывая механизмы манипулирования, сторонники постмодернистских методик де-

- конструкции почему-то призваны отвечать за результаты манипуляционных действий. Хотя сегодня отка(т/з) от многих постмодернистских постулатов явно заметен.
- ³ Подробный историографический обзор изучения проблематики научных исторических школ см.: [8].
- ⁴ Понимание смысла феноменологического подхода к источниковедению и, соответственно, определение его значения М. Ф. Румянцевой не прояснено в известных мне ее работах. Стиль аргументации позволяет предположить, что акцент делается на беспредпосылочном характере исторического познания, но это – лишь моя догадка.
- ⁵ Очевидно, что здесь сказывается различие подходов А. В. Лубского и М. Ф. Румянцевой к определению границ отдельных периодов научной рациональности. Первый в духе постструктуралистского видения процессов познания намечает границу там, где начинается «поломка структур», скреплявших уходящую в прошлое систему. Вторая накладывает систему представлений о периоде на конкретный материал, чтобы определить тот, который под нее подходит, а значит, «верифицирует» эту систему представлений. В результате получается даже не «коллаж», о котором она упоминает как о распространенном стиле культурной («творческой») деятельности, а «бриколлаж» («я его слепила из того, что было...»). Ср.: [7: 456–458], [10: 126–130]), но несознанный.
- ⁶ Признание стремления к объективизму в качестве «русскости» неокантианства может трактоваться иначе, чем это предлагается М. Ф. Румянцевой [24]. В известной мне исследовательской литературе есть несколько расходящиеся с ее интерпретацией указания на сохранение позитивистского «шлейфа» в типологическом методе А. С. Лаппо-Данилевского [18] и на своеобразии адаптации им идей В. Вундта [6], а не А. И. Введенского.
- ⁷ Данная тенденция очень убедительно прослеживается А. М. Перловым в его лекционном курсе [16: 130–134].
- ⁸ Помню, меня поразило когда-то (в 1986 году, когда о «похоронах марксизма» в СССР еще и не помышляли) по сути антимарксистское высказывание Э. Н. Лооне: «Утверждения о классовой природе учений не являются *argumentum ad hominem* при решении гносеологических вопросов, не доказывают или опровергают правильности и адекватности учения, но могут вполне объяснить степень его популярности» [11: 24]. Применительно к М. Ф. Румянцевой можно сослаться на еще одно его высказывание из той же статьи: «Распространенные методологические учения могут поддерживать свое собственное существование. Когда познание профессионализируется, а обучение познавательной деятельности институализируется, то возникает ситуация, когда налицо имеются компетентные исследователи (например, представители Научно-педагогической школы источниковедения. – А. А.), обученные только в пределах одной методологической концепции (“парадигмы”), а все остальные концепции представлены лишь гипотетически, но не образцами исследования. Философам, исследующим опыт таких ученых, легко попасть во власть заблуждения абсолютизации» [11: 24–25]. Наконец, в соответствии с основной идеей статьи принцип обращения М. Ф. Румянцевой с двумя вышеназванными типологиями можно назвать классификационным, который не вносит ничего нового в понимание изучаемого феномена, предлагая лишь его переименование.
- ⁹ Похожие, а временами дословно совпадающие формулировки я обнаружил и у другого соавтора М. Ф. Румянцевой – С. И. Маловичко [14].
- ¹⁰ Ироничный В. О. Ключевский как-то заметил: «Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя». *Prima facie* может показаться, что это высказывание в пользу точки зрения М. Ф. Румянцевой, но на то она и «ирония», троп, столь любимый Х. Уайтом, чтобы отрицать на уровне смысла то, что выражено буквально. В. О. Ключевский сетовал на потерю социального значения истории в результате превращения ее (здесь можно перефразировать хорошо ему знакомое выражение «искусство для искусства») в науку для науки.
- ¹¹ Обоснование единства письмом должно быть особенно убедительно для М. Ф. Румянцевой, акцентирующей внимание именно на письменных источниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеврас Н. Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 11. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2017. С. 100–121.
2. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-традиция, 2003. 496 с.
4. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-пресс, 2003. 360 с.
5. Боровкова О. В. Исторический источник и внеисточниковое знание в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 39–44. DOI: 10.17223/15617793/390/7
6. Вальц М. П. «Логика» В. Вундта в концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 124–137.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. 479 с.
8. Корзун В. П., Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Vol. 6, No 1. P. 158–201.
9. Лаптева М. П. Теория и методология истории: Курс лекций. Пермь, 2006. 254 с.
10. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.

11. Лооне Э. Н. Классическая концепция понимания в детерминации методологии историографии // Ученые записки Тартуского университета. 1986. Вып. 731. С. 3–28.
12. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 349 с.
13. Лубский А. В. Образы историков в интеллектуальном интерьере российской исторической науки fin de siècle // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 11. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2017. С. 158–189.
14. Маловичко С. И. Проблема классификации источников в проблемном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36–44.
15. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.
16. Перлов А. М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания. М.: Изд. центр РГГУ, 2007. 310 с.
17. Пушкарев Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102–103.
18. Рамазанов С. П. Гносеологический и социальный контексты неокантианского дискурса А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 28–37.
19. Рикёр П. Память. История. Забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
20. Ростиславлева Н. В. Концепция «идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. 2015. № 9. С. 122–129.
21. Румянцева М. Ф. Историческая память и презентация истории (неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки) // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М.: Аквилон, 2017. С. 18–48.
22. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 44–51.
23. Румянцева М. Ф. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 6. С. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808
24. Румянцева М. Ф. Развитие методологической концепции А. С. Лаппо-Данилевского в XX – начале XXI века: от гуманитаристики к социальным наукам // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (5). С. 154–179.
25. Румянцева М. Ф. Феноменология vs неокантианство в концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 7–16.
26. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
27. Топольский Е. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы филологии. 1973. № 5. С. 76–82.
28. Antoshchenko A. V. Russia // Atlas of European historiography. The making of a profession 1800–2005. Palgrave MacMillan, 2010. P. 87–92.

Поступила в редакцию 29.12.2022; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Aleksandr V. Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

SCIENTIFIC SCHOOL OF HISTORICAL SOURCE STUDIES: AN ALTERNATIVE VIEW

Abstract. The author deconstructs the constituting of the scientific school of source studies in the texts of M. F. Romyantseva, showing how the internalist approach to the study of scientific cognition determines this process. The use of typologies that summarize the “essential” characteristics of the change in scientific rationality allows M. F. Romyantseva to place this school within the “mainstream” of the historical epistemology development over the past century. At the same time, the classification method she uses does not add any new knowledge about the scientific school phenomenon, but only leads to its renaming using the name of the class to which this phenomenon belongs. Accordingly, the basic element of the school remains unchanged, since the object of source studies becomes defined at the starting point. Ignoring the externalist approach allows M. F. Romyantseva to bypass such inconvenient but important problems as the specifics of humanitarian knowledge (including the historical one); pragmatic conditionality of the researcher’s activity; changing the role of theory in research; the value of non-source knowledge in the study of the past; historicization of both the actors of the past and those who explore it. Taking those problems into account would make it possible to avoid the absolutization of the truth of the fundamental idea of the scientific school about the object of source studies, which requires concretization and, therefore, relativization.

Key words: internalism and externalism in science studies, postmodernism, historical source studies, historiography, A. S. Lappo-Danilevsky, O. M. Medushevskaya

For citation: Antoshchenko, A. V. Scientific school of historical source studies: an alternative view. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871

REFERENCES

1. Alebras, N. N. The chronology of historiography and historiographical source in the context of the source study paradigm as a reason for historiographical notes and reflections. *The world of the historian: historiographical collection*. Issue 11. Omsk, 2017. P. 100–121. (In Russ.)
2. Ankersmit, F. R. Sublime historical experience. Moscow, 2007. 612 p. (In Russ.)
3. Ankersmit, F. R. History and tropology. The rise and fall of metaphor. Moscow, 2003. 496 p. (In Russ.)
4. Ankersmit, F. R. Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language. Moscow, 2003. 360 p. (In Russ.)
5. Borovkova, O. V. Historical source and secondary knowledge in historical science. *Tomsk State University Journal*. 2015;390:39–44. DOI: 10.17223/15617793/390/7 (In Russ.)
6. Walz, M. P. The “Logic” by W. Wundt and the theory of A. S. Lappo-Danilevsky. *Dialogue with Time*. 2014;48:124–137. (In Russ.)
7. Derrida, J. Writing and difference. Moscow, 2007. 479 p. (In Russ.)
8. Korzun, V. P., Myagkov, G. P. Schools in Russian historiography (a historiographic reflection of scholarship in recent decades). *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2013;6(1):158–201. (In Russ.)
9. Lapteva, M. P. Theory and methodology of history. Lecture course. Perm, 2006. 254 p. (In Russ.)
10. Levi-Strauss, C. Primitive thinking. Moscow, 1994. 382 p. (In Russ.)
11. Loone, E. N. The classical concept of understanding in the determination of the methodology of historiography. *Proceedings of the University of Tartu*. 1986;731:3–28. (In Russ.)
12. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 349 p. (In Russ.)
13. Lubsky, A. V. Images of historians in the intellectual interior of Russian historical science fin de siècle. *The world of the historian: historiographical collection*. Issue 11. Omsk, 2017. P. 158–189. (In Russ.)
14. Malovichko, S. I. The problem of classifying sources in the subject field of historiographic source study. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2015;2:36–44. (In Russ.)
15. Malovichko, S. I., Rummyantseva, M. F. History as a rigorous science vs socially oriented historical writing. Orekhovo-Zuevo, 2013. 252 p. (In Russ.)
16. Perlov, A. M. History of science: an introduction to the methodology of humanitarian knowledge. Moscow, 2007. 310 p. (In Russ.)
17. Pushkarev, L. N. Definition, optimization, and use of historiographical sources. *Methodological and theoretical problems of the history of historical science*. Kalinin, 1980. P. 102–103. (In Russ.)
18. Ramazanov, S. P. Gnoseological and social contexts of the neo-Kantian discourse of A. S. Lappo-Danilevsky. *Dialogue with Time*. 2014;46:28–37. (In Russ.)
19. Ricoeur, P. Memory. History. Oblivion. Moscow, 2004. 728 p. (In Russ.)
20. Rostislavleva, N. V. Concept of “ideal types” of Max Weber as the multidisciplinary project. *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2015;9:122–129. (In Russ.)
21. Rummyantseva, M. F. Historical memory and presentation of history (neoclassical vs classical – non-classical – post-non-classical models of historical science). *Event in history, memory, and identity narratives*. Moscow, 2017. P. 18–48. (In Russ.)
22. Rummyantseva, M. F. The source study in the structure of historical knowledge: the neoclassical model of science. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;5(166):44–51. (In Russ.)
23. Rummyantseva, M. F. Olga Mikhailovna Medushevskaya's concept of cognitive history: results / prospects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808 (In Russ.)
24. Rummyantseva, M. F. Development of A. S. Lappo-Danilevsky's methodological conception in XX – early XXI century: from humanities to social sciences. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019;22(5):154–179. (In Russ.)
25. Rummyantseva, M. F. Phenomenology vs neo-Kantianism in A. S. Lappo-Danilevsky's theory. *Dialogue with Time*. 2014;46:7–16. (In Russ.)
26. Stepin, V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for distinguishing. *Post-non-classics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg, 2009. P. 249–295. (In Russ.)
27. Topolski, J. The role of non-source knowledge in historical research. *Questions of Philosophy*. 1973;5:76–82. (In Russ.)
28. Antoshchenko, A. V. Russia. *Atlas of European historiography. The making of a profession 1800–2005*. Palgrave MacMillan, 2010. P. 87–92.

Received: 29 December, 2022; accepted: 31 January, 2023